

Вслух

О регионе

Использование минерально-сырьевых ресурсов Пермского края требует большего и значимого интеллектуального обеспечения. В крае достаточно грамотных специалистов и ученых, которые могли бы внести более весомый вклад в развитие и использование нашего природного богатства.

Владимир Наумов: «Пермский край – сырьевой придаток»

Директор Естественнонаучного института ПГНИУ, доктор геолого-минералогических наук рассказал в интервью о геологическом потенциале и белых пятнах Пермского края

Катерина Иванова
фото Максима Кимерлинга

– Давайте начнем с самого начала, насколько изучены недра Пермского края?

– Геологическая изученность Пермского края очень невысокая, менее 40%. То есть у нас еще как-то изучена складчатая зона Урала и горные массивы, платформенная же часть нашего региона изучена слабо.

Нужно сказать, что основной объем геологических съемок был проведен в 50-80-е гг. XX века, с тех пор ведутся вялотекущие работы. В 2000-х гг. все предприятия, которые занимались изучением недр и поиском новых месторождений полезных ископаемых, у нас просто развалили. Это наша проблема, потому что наличие полезных ископаемых региона зависит от степени изученности территорий и, соответственно, от количества вложенных средств. История учит: если не вкладывать средства в геологическое изучение территорий, то будем, как

до 1913 г., минеральные ресурсы закупать за рубежом.

Важным аспектом в низкой изученности является и тот факт, что до 1990-х гг. включительно геологию Пермского края финансировали через Свердловскую область. Изучение недр Пермской области проводили по остаточному принципу. Сначала деньги выделялись Свердловску, потом уже нам. При этом основной объем исследований был сосредоточен на работах в горной части. До сих пор на карте края есть белые пятна низкой изученности, это территории севернее и северо-западнее Красновишерска, значительная часть территории Коми округа.

– Какие полезные ископаемые можно назвать флагманами Пермского края?

– Сегодня это, безусловно, нефть и соль, дальше идут алмазы, и, как ни странно, в числе передовиков я бы назвал месторождения общераспространенных строительных материалов. Это не только гипс, но, в первую очередь, щебень, песчано-гра-

вийные месторождения, песок, глина.

Скажу немного цифр. Где-то на 2000 год, по оценкам Министерства природных ресурсов РФ, стоимость одного квадратного километра недр земли Пермского края составляла 1,7 тыс. долларов. Мы одна из самых богатых территорий по ресурсному потенциалу в стране. Природные ресурсы есть, причем они у нас имеют достаточно широкий спектр наименований и площади распространения. По официальным данным МПР Пермского края, на 2007 год выявлено и разведано 1397 месторождений по 49 видам полезных ископаемых. В недропользовании находится только 24% месторождений (335), а ¾ находятся в нераспределенном фонде. Количество твердых полезных ископаемых (ТПИ) – 1032, углеводного сырья (УВС) – 225. Подавляющая часть месторождений ТПИ представляет собой общераспространенные полезные ископаемые (943 объекта).

Особенностью ряда современных месторождений явля-

ется то, что они вроде бы и есть (учитываются государственным балансом со времен Советского Союза), а фактически их нет. У нас есть месторождения золота, платины, которые пришли в наследство от СССР. Месторождение – понятие геологическое, технологическое и экономическое. Экономика претерпела существенные изменения. Стоимость энергоносителей постоянно растет. Поэтому некоторые из этих месторождений по сегодняшним экономическим характеристикам не соответствуют современным параметрам месторождений. Их разведывали в других условиях: оконтуривали месторождение по содержанию золота 50-150 мг/м³. Сегодня экономически целесообразно отрабатывать месторождения, оконтуренные с содержанием около 250 мг/м³. То, что ранее входило в прежний контур, не соответствует новым контурам и не отвечает понятию месторождения. Или их надо заново переоценивать (пересчитывать), или выводить их из государственного баланса. Если на такое ме-

сторождение приобретают лицензию, не факт, что его смогут экономически выгодно отработать. Такие примеры есть.

– Что тогда делать с теми месторождениями, которые невыгодно сейчас прорабатывать?

– Сегодня за счет того, что месторождения разведаны, подсчитаны их запасы (на это потрачены большие средства) и их не отрабатывают, мы, по сути, закопали миллиарды рублей в землю. Сегодня эти деньги не работают, они лежат мертвым грузом. У нас было одно предположение, которое заключалось в следующем. Часть месторождений высоколиквидного сырья можно было бы после проведения соответствующей геолого-экономической оценки сделать капиталом и законсервировать, и под них можно было бы получить какие-то финансовые ресурсы в банках, кредиты. Мы предлагали залоговый подход к подобным месторождениям. Был еще другой вариант – переоценить эти разобщенные ме-

Вслух

О регионе

сторождения и найти выгодные с экономической точки зрения варианты для их отработки.

Сегодня желающие на выполнение этой работы есть, ждут конкурсы. Нужно отметить, это эти же частные компании готовы вкладывать свои ресурсы, свои средства, чтобы отработать эти месторождения. К сожалению, по сравнению со свердловскими соседями, этот процесс добычи золота у нас сильно тормозится, даже деградировал. На протяжении последних пяти лет не было поднято ни грамма золота.

Еще раз флагманами Пермского края (после нефти и соли) я назвал бы строительные материалы. Почему? Потому что территория Пермского края имеет особое геологическое строение. Здесь и зона складчатости, переходная зона и платформенная часть.

Мы проводили серьезные работы по оценке Горнозаводского района. По результатам геолого-экономической оценки видов минерального сырья востребованными и экономически выгодными для добычи оказались месторождения строительных материалов: габбро-диабазы (габбро-долериты), хромиты, карбонаты, а золото было только на третьем или пятом месте.

То, что для нас является обыденным и повседневным, то, что находится у нас под ногами, особенно весной, — это все достаточно большое богатство, которого нет в других частях мира. Глина, песок, песчано-гравийные смеси, карбонаты, гипс — в других странах их просто нет. Если бы Рим основали на территории нашего города, у нас с вами вся «грязь» — глина — была бы не на сапогах, а в стенках, была бы в ступеньках, в тротуарной плитке. Тот же торф у нас совсем не используется. Во многих странах мира он является как строительным материалом, так и материалом для производства биотоплива и материалом для организации многих уникальных производств. Это иная нефть, иной строительный теплоизоляционный материал. Сегодня те же Штаты втягивают нас в утопическую, на мой взгляд, идею использования сланцевого газа. Подобный газ можно придумать из нашего торфа, и это будет не менее значимой идеей.

Если мы посмотрим на весь ассортимент строительных материалов, природоу размещенный на территории края, то, казалось бы, сам бог велел нам создать здесь территориальный кластер строительной индустрии на основе местных материалов. Здесь мы готовы разработать уникальные технологии и материалы, которые никогда не сделают в других регионах. ПГС есть, песок — в том числе стекольный — есть, глины полно, гипс, карбонаты — все, что нужно для хорошего строительства. Мы можем взять все, что у нас есть под ногами, с минимальными транспортными расходами. Помножить это на научный потенциал — и получим интеллектуально обеспеченный минерально-сырьевой ресурс. Этот вывод просто напрашивается. Не хватает только политической воли.

— Но этого же нет. Может быть, потому что эти материалы не

так ликвидны, как нефть, газ и золото?

— Эти материалы имеют высокую ликвидность. Тот же щебень, который у нас отрабатывается. Его продают на территорию Москвы за большие деньги. Потому что это химически инертный материал.

Мы сырьевой придаюк, который не использует свой ресурсный резерв. А этим нужно пользоваться. Зачем нам придумывать что-то сложное? Все знают, что у нас есть золото, алмазы и еще куча всего блестящего и звящего. А на самом деле у нас еще много чего более веселого и интересного есть.

Считаете ли вы парниковые газы проблемой? Я вот считаю, что это надуманная проблема. А за эту «высосанную из пальца» проблему за рубежом платят большие деньги. На территории Пермского края есть заводы, которые реально многие годы утилизируют парниковый газ, и выводят его из атмосферы уже около двадцати лет. Но об этом никому не известно. Знаете предприятие Березниковский содовый завод (ОАО «БСЗ»)? На протяжении многих лет оно занимается тем, что отходы от производства сливает и образует «белые моря». И платит большие деньги за отходы производства. На самом деле это БСЗ должен получать от мирового сообщества деньги за то, что занимается утилизацией углекислого газа из атмосферы.

Отходы содового производства содержат кальций, который поступает в жидком виде. Твердая фаза «белых морей» — карбонат кальция. Кальций «вытгиивает» углекислый газ из воздуха и консервирует его в осадках «белых морей». На Западе придумывают подобные производства путем утилизации отходов. Этим

Бюрократия существенно тормозит развитие этой отрасли

занимается наука, предприятия — за отдельные большие деньги по международным проектам. У нас же не так. У нас широко распространены гипсовые, сульфатные отложения. Когда сульфатная вода попадает на воздух, то парниковый газ осаждается на поверхности воды в виде карбоната кальция. Так выходит, что, даже не зная того, Пермский край — это кузница по переработке углекислого газа.

Вернемся к территориальному строительному кластеру. Его выгодно было бы создать вот почему. Долгое время муссируется вопрос о строительстве Белкомур, который будет только малым отрезком потенциальной транснациональной или трансматериальной железной дороги магистральной. И в принципе является только частью общего проекта соединения Ледовитого, Индийского и Тихого океанов. Продолжение возможно на территории Китая, и нам было бы полезно, экономически выгодно включить в эту трансконтинентальную магистраль. Это позволило бы использовать железную дорогу как для транспортировки

материалов, так и для широкого развития инфраструктуры края.

— Прокомментируйте, пожалуйста, намерения «Уралалмаза» восстановить добычу золота на севере Красновишерского района Пермского края.

— Пока я не вижу, что сегодня может быть нового внедрено этим предприятием, чтобы обеспечить такую же или выше производительность добычи, как в 1990-е гг. Никаких иных факторов, кроме повышения цены на золото.

Пару недель назад я был на совещании золотодобытчиков Свердловской области, где были представители золотодобывающих компаний, которые добывают до 7 тонн золота в год. На примере дочерней компании «Полиметалл» были озвучены цифры. Если на разведку месторождения с утвержденными запасами 40 т уходит 800-900 дней, то на согласование документов проекта уже после получения лицензии минимум нужно затратить 503-507 дней. Это при условии, что все согласуется и нигде нет никаких просчетов. Фактический срок согласования составил более 800 дней. В области недропользования у нас забюрократизирована «машина» настолько, что все эти месторождения достанутся нашим внукам. В принципе, если наши верхи нацелены именно на это, то это замечательно! А если не внукам, а другим хозяевам? Но если наша цель — как-то выживать за счет использования недр, то получается, что эту проблему нужно снимать. Бюрократия существенно тормозит развитие этой отрасли. Но здесь обвинять частных лиц нет смысла, это наша система, а не отдельные чиновники. Пока я могу гарантировать, что в следующем году законной добычи золота у нас точно не будет. Просто не успеют.

— В 1990-е годы добыча алмазов в Красновишерском районе велась активно, в чем была причина?

— Добыча алмазов в Пермском крае началась в 1939-1940-м году. Причем уникальность ситуации заключается в том, что спустя полтора-два года с момента постановки задачи были найдены и начали отрабатываться месторождения алмазов! Обычно на это уходит от 10 до 50 лет. Такая была потребность в алмазах. Понятно, почему в те годы это получилось так быстро, — отработку начала система ГУЛАГа. Выходит, если надо быстро, то можно. Но к ГУЛАГу я не призываю.

— Почему все постепенно заглохло?

— Потому что, когда в Красновишерском районе обнаружили алмазы, центр алмазодобычи переместился туда из Горнозаводского района. Сегодня предприятие, которое занималось добычей алмазов, меняло форму собственности, имеет ограниченные запасы алмазов. Так сложилось, что все попытки предприятия вести самостоятельные поиски и разведку месторождений не увенчались успехом. К сожалению, думаю, что множество субъективных и объективных факторов, тенденции последних лет не позволят предприятию подняться до советских объемов добычи алмазов.

— Пермский край богат и каменным углем. Есть ли на территории края, кроме закрытого КУБа, другие месторождения, проводятся ли исследования, поиски каменного угля?

— Каменный уголь есть, однако предприятия по его добыче (шахты) давно закрыты. Специализированных работ по изучению угля, насколько я знаю, вообще не проводится.

После ликвидации шахт ликвидировали производство угля, но не ликвидировали, а умножили проблемы. Если раньше за проблемы, связанные с добычей и переработкой угля, отвечали шахты и предприятия, то сейчас не отвечает никто. Наиболее яркими (во всех отношениях) являются самоизливы кислых шахтных вод, деградированная под их влиянием земля. Сотрудники нашего института предлагали практические технологические интеллектуальные решения части проблем КУБа. Проблемы оказались живучее.

Любопытно, что недавно президент ГК «ЗУМК» Александр Поздеев проявил заинтересованность в восстановлении производства, обучении персонала и возможности восстановления добычи каменного угля в Кизеле, чтобы территорию можно было каким-то образом освоить. Посмотрим, что из этого получится, интересная инициатива.

— У нас есть еще и хромиты. Главное Сарановское месторождение — единственное в России разрабатываемое месторождение хромитов. Что это дает краю?

— Сарановское месторождение — не единственное, но что касается шахты «Рудная» — это предприятие, которое выкупил Казахстан, и сегодня вся продукция, которая добывается, поступает по низким ценам в Казахстан, региону от этого большой пользы сегодня нет. И получить ее нам не позволит наше законодательство, поскольку цену выставляет владелец.

Перспективы для отработки хромитов у нас есть, направленные интересное и востребованное, материал этот важен для России.

— На территории Пермского края добывается 100% соли России. Какой вклад в экономику делает добыча калийных солей?

— Вклад солей сложно переоценить, но он может быть и больше. Но, с одной стороны, сегодня это одно из профилирующих направлений развития территории Пермского края, с другой стороны — в Березниках сейчас достаточно напряженная экологическая ситуация и проблемы в сохранении устойчивости грунтов.

Использование минерально-сырьевых ресурсов Пермского края требует большего и значимого интеллектуального обеспечения. В крае достаточно грамотных специалистов и ученых, которые могли бы внести более весомый вклад в развитие и использование нашего природного богатства.

Если бы каждый житель Пермского края получал от недр хотя бы часть с каждой тонны добытого полезного ископаемого, то он жил бы на порядок лучше, чем житель Кувейта. У нас нет социального обеспечения от разработки недр на нашей земле. Нагрузку от действующих производств несет на себе воздух, которым мы дышим, вода, которую мы пьем, которой мы моемся, на грузку несем мы, а блага от этих производств и наших нагрузок почему-то получают другие — это явная социальная несправедливость.